

The People Divided by the Border (Comparative Characteristics of Germans in Russia and Kazakhstan)

Tatyana B. Smirnova (a) & Anna N. Blinova (b)

a) Dostoevsky Omsk State University; Siberian branch of the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. Omsk, Russia. Email: SmirnovaTB[at]omsu.ru

b) Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Omsk, Russia. Email: anblinova[at]mail.ru

Received: 27 August 2022 | Revised: 30 October 2022 | Accepted: 10 November 2022

Abstract

Germans who previously lived in the same state were separated by state borders after the collapse of the USSR. Living in newly independent States launched the processes of ethnic self-determination and adaptation to new socio-cultural and political conditions. Based on the results of ethnosociological surveys of the German population in Russia and Kazakhstan, we give a comparative characteristic of the identity of Germans in these countries. In general, the identity of Germans in the post-Soviet space has many common features, which are determined by the common historical fate, cultural and linguistic unity, the presence of support programs from Germany and the active activity of public organizations. The differences in the identity of the Germans of Russia and Kazakhstan are related to the peculiarities of national policy, including historical memory and the state language. The development of the identity of Kazakh Germans takes place in somewhat more difficult conditions, since in Kazakhstan the number of the German population has decreased almost fivefold over the years of independence (while the emigration potential is still high), and there are no areas of compact residence of Germans. In the sphere of ethno-linguistic processes, we have noted the presence of bilingualism and trilingualism of Germans in Russia and Kazakhstan and the decline in the popularity of learning German in school institutions. The special, specific features of this new identity are connected with the political and cultural realities of the new States.

Keywords

Russian Germans; Germans Of Kazakhstan; Ethnic Identity; Border; Ethno-Sociological Survey; Ethno-Consolidating Features; Language; Historical Memory; Emigration; Public Organizations

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Народ, разделенный границей (сравнительная характеристика немцев в России и Казахстане)

Смирнова Татьяна Борисовна (а), Блинова Анна Николаевна (б)

а) Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Омск, Россия. Email: SmirnovaTB[at]omsu.ru

б) Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Омск, Россия. Email: anblinova[at]mail.ru

Рукопись получена: 27 августа 2022 | Пересмотрена: 30 октября 2022 | Принята: 10 ноября 2022

Аннотация

Немцы, ранее проживающие в одном государстве, после распада СССР оказались разделены государственными границами. Проживание в новых независимых государствах запустило процессы этнического самоопределения и приспособления к новым социально-культурным и политическим условиям. На основе результатов этносоциологических опросов немецкого населения в России и Казахстане мы даем сравнительную характеристику идентичности немцев в этих странах. В целом, идентичность немцев на постсоветском пространстве имеет много общих черт, которые определены общностью исторической судьбы, культурным и языковым единством, наличием программ поддержки со стороны ФРГ и активной деятельностью общественных организаций. Различия в идентичности немцев России и Казахстана связаны с особенностями национальной политики, в том числе в области исторической памяти и государственного языка. Развитие идентичности казахстанских немцев происходит в несколько более сложных условиях, так как в Казахстане численность немецкого населения сократилась почти в пять раз за годы независимости (при этом эмиграционный потенциал по-прежнему высок), отсутствуют районы компактного проживания немцев. В сфере этноязыковых процессов нами отмечено наличие билингвизма и трилингвизма немцев в России и Казахстане и падение популярности изучения немецкого языка в школьных учреждениях. Особенности, специфические черты этой новой идентичности связаны с политическими и культурными реалиями новых государств.

Ключевые слова

российские немцы; немцы Казахстана; этническая идентичность; граница; этносоциологический опрос; этноконсолидирующие признаки; язык; историческая память; эмиграция; общественные организации

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

После распада СССР многие народы, прежде единые, оказались разделены государственными границами, в том числе и советские немцы. Это разделение положило начало новому этапу их этнической истории, новым процессам в собственной идентификации, адаптации к новым социально-культурным и политическим условиям.

Осмысление феномена разделенных народов стало актуально в отечественной науке в последнее десятилетие XX века, хотя само явление, конечно, существовал задолго до этого (Семченков & Бараш, 2009). Наибольшая научная разработанность наблюдается в сфере политологии, где разделенность этнонациональных групп рассматривается в первую очередь как дестабилизирующий политический фактор, то есть как проблема, требующая решения (Балашов, 2007; Балашов, 2008; Бараш, 2010; Гаджиев, 2006; Цагараев, 2009 и др.).

Р. Брубейкер (2005) ввел в научный оборот новое понятие – «диаспоры катаклизма», основой для образования которого служит не перемещение людей через границы, а движение самих границ. «Диаспоры катаклизма», в отличие от «исторических» или «трудовых» диаспор, возникают мгновенно, в результате резкого изменения политического устройства, вопреки желанию людей. Так, распад Российской, Габсбургской и Оттоманской империй после первой мировой войны и Советского Союза, Югославии и Чехословакии по окончании холодной войны привели к образованию новых диаспор (Брубейкер, 2005, 6).

Соответственно, после изменения границ были запущены процессы постсоветского нациестроительства. Проблемы формирования и реализации новой национальной политики, стратегии и тактики практической политики идентичности в постсоветских государствах также не раз становились объектом исследования в российской и зарубежной научной литературе, опять-таки в основном политологии (Бахлов & Бахлова, 2018; Брубейкер, 2000; Летняков, 2016; Клименко, 2017; Ратленд, 2002; Ратленд, 2016; Семененко И.С., Лапкин В.В. Бардин, А.Л. & Пантин В.И., 2017; Смит, 2004; Тишков, 1998). Основное внимание в этих публикациях уделялось политике по отношению к государствообразующим народам (титულным нациям) и формированию гражданских наций. Политика по отношению к этническим меньшинствам в контексте нациестроительства, формирование гражданской и этнической идентичности, возникновение и развитие новой этничности становились объектом научного анализа гораздо реже. Этнические группы, одномоментно разделенные границами, вынуждены были подстраиваться под ситуацию, вырабатывать новые стратегии, в том числе, и своей идентификации (Лебедева, 1998; Рябиченко, Лебедева, & Плотка (2019); Трифонова, 2021; Ягафова, 2015 и др.).

Цель данного исследования – дать сравнительную характеристику идентичности немцев России и Казахстана, единого прежде народа (советских немцев), оказавшегося после распада Советского Союза разделенным политическими границами. Для этого нами проведен этносоциологический опрос среди немцев России и Казахстана, результаты которого сравниваются с результатами опросов, проведенных ранее по аналогичным программам.

Немцы накануне распада СССР

У немцев, живущих на постсоветском пространстве, довольно много общих черт. Они обусловлены тем, что складывание самой общности российских, потом советских немцев, а затем – немцев постсоветского мира проходило в Российской империи. Общность эта, несмотря на сословное, диалектное, религиозное и культурное многообразие, получилась настолько крепкой, что о ней помнят в условиях многолетней эмиграции и проживания в других государствах (Киссер & Смирнова, 2017).

По данным переписи населения 1989 года, на территории Советского Союза проживало более 2 млн. немцев, из них 957 тыс. в Казахстане и 842 тыс. в России, причем большая часть была сосредоточена в Сибири (Всесоюзная перепись населения 1989 года, 2011). Такое этнотерриториальное размещение немецкого населения – результат депортации немцев Поволжья, которая была проведена в 1941 году и до сих пор является одним из определяющих факторов современных процессов этнической идентификации для немцев России и Казахстана (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021a).

Важно подчеркнуть, что депортация, нахождение в трудовой армии и спецпоселении нивелировали в сознании людей некоторые региональные и этнографические различия. Общность исторической судьбы стала важным этноконсолидирующим фактором в самосознании народа. Отношение немцев к Советскому государству после депортации 1941 г. не могло быть однозначным. Однако считать его резко отрицательным было бы непозволительным упрощением, хотя можно говорить о формировании негативной инверсии идентичности среди российских немцев (Киссер, 2020).

В 1960–1980-е годы распространенным стал этноним «советские немцы» (Sowjetdeutsche). Считается, что словосочетание «советские немцы» было изобретено журналистами для того, чтобы политически верно расставить акценты при описании трудовых подвигов немецких колхозников, рабочих и достижений немецких колхозов-миллионеров, носивших имена Маркса, Энгельса, Ленина, Тельмана и Люксембург. В контексте формирования «новой исторической общности людей – советского народа» это словосочетание казалось нормальным.

Советские немцы отправляли делегации в Кремль с проектами возрождения немецкой республики, с 1989 по 1993 г. существовало Всесоюзное

общество советских немцев «Возрождение» (Wiedergeburt). До середины 1990-х гг. в прессе и документах часто упоминались «советские немцы из Средней Азии». Естественно, термин «советский» в этих контекстах обозначал принадлежность не к советскому политическому устройству, а к советскому (и постсоветскому) территориальному пространству. Сами немцы употребляли это словосочетание редко, продолжая называть себя швабами, меннонитами, поволжскими немцами или просто немцами (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021b).

Немцы в независимой России. Эмиграция 1990-х гг.

Одной из причин слабой изученности положения национальных меньшинств и этничности на постсоветском пространстве является недостаточная эмпирическая база для исследования. Важной составляющей этой эмпирической базы являются результаты этносоциологических опросов, которые могут существенно дополнить документальные источники, материалы по устной истории, интервью, СМИ, социальных сетей и т.д. Без этносоциологических опросов невозможно получить информацию о делении этнической общности на более мелкие группы, об уровне владения национальными языками и сферах использования этих языков, об отношении к смешанным бракам, идентичности потомков таких браков, о национально-культурных потребностях национальных меньшинств, о национальных символах и ключевых датах и событиях в истории, о роли национально-культурных общественных организаций в сохранении меньшинств и т. п.

Примером такого этносоциологического исследования являются опросы немцев, живущих в России и Казахстане. Первые социологические опросы немцев в Советском Союзе осуществил Л. В. Малиновский, который проводил свои исследования в сложный для немецкого населения страны послевоенный период. С 1960-х г. он проводил этнолингвистическое изучение немецких диалектов на Алтае, в результате чего установил пути перемещения немцев по территории Сибири, а также определил земли Германии, из которых происходило переселение колонистов на территорию России. В своих работах Л. В. Малиновский активно использовал социологические методы, что позволило ему отслеживать в динамике социально-экономические процессы в среде немецкого населения (Малиновский, 1969). В 1990-х гг. важную роль в анализе этнического развития российских немцев на переломе эпох сыграли исследования Э. Р. Барбашиной (2004), которая возглавляла Немецкий исследовательский центр Новосибирского государственного университета. Острая проблема эмиграции в Германию и связанных с ней проблем адаптации и множественной идентичности изучались социологическими методами М. С. Савоскул (2004).

Начиная с 1989 г., этносоциологические опросы проводились сотрудниками кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, в основном в Сибири, в местах компактного проживания немцев. В 1989-1991 гг. был проведен опрос немецкого населения Новосибирской, Кемеровской области и Омской области. Опрос проводился методом стандартизированного интервью, опросный лист содержал 77 вопросов, которые были разделены на блоки по идентичности, языку, культуре и межэтническим отношениям. Было опрошено 1500 чел. Согласно данным этого опроса, немецкий язык назвали родным языком 85% респондентов, среди молодежи до 25 лет доля назвавших немецкий родным языком составляла 75%, в старших возрастных группах – 91-95%. Этот опрос был единственным, когда выборка проводилась не только по месту проживания, полу и возрасту, но и по социально-профессиональным группам, как это было принято в советской социологии. Различия в ответах представителей разных социально-профессиональных групп были существенными. Так, например, в группе руководителей высшего и среднего звена (А1) немецкий назвали родным языком 70% респондентов, а в группе рабочих и колхозников (Г2) – 90%. Не владели немецким языком в группе А1 чуть меньше 4%, а в группе Г2 – всего 1%. В группе Г2 в то время были немцы, которые совсем не знали русского языка. Межэтнические отношения также зависели от образования и квалификации: предпочитали брак с людьми своей национальности 18% респондентов из группы А1 и 36% – из группы Г2; считали, что сложнее работать в разнонациональном коллективе 4% респондентов из группы А1 и 9% – из группы Г2. Несмотря на то, что существует очевидная зависимость ответов респондентов от их социально-профессиональной принадлежности, в дальнейших опросах выборка по этим параметрам не проводилась (Смирнова, 2002).

В 1996-1997 гг. этносоциологический опрос проводился во время этнографических экспедиций в Алтайском крае, опросный лист состоял из 30 вопросов. Маршруты экспедиций были очень напряженными, поэтому блоки вопросов по материальной и духовной культуре были сокращены, зато были добавлены вопросы по особенно актуальным тогда проблемам эмиграции. Всего было опрошено 574 чел. Несмотря на то, что с момента первого опроса прошло не так уж много времени, условия жизни немцев на постсоветском пространстве резко изменились. Прежде всего, произошел рост эмиграции, равного которому прежде не было. Это была четвертая, самая массовая эмиграция немцев из России. Первая волна эмиграции немцев из России пришла на 1860-1870-е гг., она была спровоцирована реформами Александра II и отменой привилегий, которые были дарованы колонистам при переселении; вторая волна прошла в годы первой мировой войны и революции, причиной третьей волны эмиграции стала коллективизация. Эмигранты ехали как в Германию, так и на Американский континент.

Но никогда раньше эмиграция не принимала таких масштабов и характера исхода, как в 1990-е годы.

По данным Федерального ведомства по делам мигрантов и беженцев Германии, с 1990 по 2007 г. в Германию въехало 2092354 российских немцев (получивших статус «поздних переселенцев» и членов их семей). Наибольшее число въехало из Казахстана – 923902 человека. На втором месте по числу иммигрантов находится Россия – 693348 человек. Пик пришелся на 1994 г., когда из стран бывшего СССР в ФРГ прибыло 213214 чел., в том числе из России – 68397 чел., а из Казахстана – 121517 чел. Мигрантов из России в ФРГ прибыло больше всего в 1995 г. – 71685 чел., из Казахстана – 117148 чел., а всего в 1995 г. в Германию приехало из стран бывшего СССР 209409 чел. Затем наблюдалось постепенное снижение количества мигрантов (Migrationsbericht, 2008).

Программа репатриации, которую проводит ФРГ, привела к очень большим изменениям жизни немцев в России; она стала совсем другой по сравнению со временами Советского Союза. Экспедиции 1996-1997 гг. пришлось на пик этого эмиграционного движения, поэтому логично, что в опросный лист вошли вопросы, касающиеся эмиграции.

На вопрос «Хотели бы Вы сменить место жительства?» положительно ответили 33%, остальные либо ответили отрицательно, либо не определились. На вопрос о причинах, по которым они хотели бы уехать, из ответивших положительно 54,5% сказали, что хотят улучшить условия жизни. 30% сказали, что хотят уехать ради воссоединения семей: эмигрировать к родственникам, которые уже в Германии. 4,7% сказали, что хотят уехать из-за нестабильной политической ситуации в России, столько же – из-за беспокойства за будущее детей; 3,1% указали на необходимость лечения в Германии, и по 1,5% сказали, что уезжают из-за нежелания служить в армии и сложной криминальной ситуации в России. Ничего удивительного в таких ответах нет, ведь пик эмиграции и наш опрос пришлось на самый разгар «лихих девяностых».

Обращает на себя внимание большая доля тех, кто указал в качестве причины эмиграции воссоединение семей. Многие респонденты говорили тогда, что не хотели бы уезжать, но туда уже уехали все близкие родственники, дети, родители, поэтому ничего другого не остается. Многие также говорили, что если бы поездка в Германию не стоила так дорого, если бы можно было туда ездить в гости, то они, возможно, никуда бы не уехали. С другой стороны, более четверти опрошенных на вопрос «Что поможет остановить эмиграцию?» ответили, что ничего, разве что «закрывать границы». В результате произошло резкое сокращение численности немцев в России и других странах постсоветского пространства, изменились их идентичность, знание немецкого языка, соотношение городских и сельских жителей, словом – вся этническая общность.

Считается, что этносоциологические опросы в среде какого-либо народа нужно проводить один раз в 10 лет – этого времени достаточно для того, чтобы

можно было зафиксировать изменения, которые происходят с этнической общностью, и проследить динамику. Поэтому в 1999-2001 гг. был проведен плановый, второй по счету массовый опрос немецкого населения, с целью изучения этнических процессов.

Сравнительный анализ результатов первого и второго опросов показал, что за 10 лет изменился состав немецкого населения. Если по данным первого опроса местными уроженцами назвали себя 72% респондентов, то по данным второго опроса – лишь 48%. Значительную долю стали составлять немцы, приехавшие из Казахстана. Этот наплыв «других» немцев вызвал далеко не всегда положительные эмоции. Сейчас, по прошествии почти 30 лет, противоречия сгладились, но тогда местные немцы воспринимали приезжих или как неполноценную замену уехавшим в Германию «своим», или как конкурентов. Немцы, выезжающие из Казахстана и предпочитавшие Россию, а не Германию, нередко делали такой выбор, потому что были или более «обрусевшими», или имели высокий статус, образование, должность, и поэтому не хотели жить в Германии на пособие, предпочитая делать карьеру в России. Нередко Россия, Сибирь, в том числе Немецкие национальные районы, были для них перевалочным пунктом. Одним словом, это чужие, случайные люди – так казалось местным уроженцам, которые до эмиграции привыкли жить кланами, большими семьями. Отзываясь на эту ситуацию, мы включили в опросный лист 1999 года, наряду с традиционными вопросами по идентичности, языку, культуре и эмиграции, вопросы по этническим стереотипам, и об отношении к приезжим: существуют ли различия между местными немцами и приезжими, и если существуют, то в чем они проявляются? Большинство респондентов (41%) сказали, что различия между местными немцами и приезжими есть, но они не являются значительными. Второй по популярности ответ – различий нет (34%). На третьем месте – различия есть, и они существенные (25%). Почти половина из тех, кто ответил, что различия есть, сказали, что заключаются эти различия в поведении и образе жизни. Примерно треть респондентов назвала различия в языке (другой диалект, акцент, плохое знание языка и т.д.). Называли также отличия в религии, обычаях и обрядах. Резко негативные оценки приезжим немцам тогда дали чуть больше 1% респондентов (Смирнова, 2003). Сейчас, по прошествии времени, никаких различий между местными и приехавшими в 1990-х гг. из Казахстана немцами, естественно, не существует.

Этносоциологические опросы, которые имели конкретные цели и небольшую выборку, проводились регулярно. Например, в 2002 г. был проведен опрос жителей Азовского немецкого национального района, который был создан в 1992 г., чтобы определить, есть ли какие-либо отличия в жизни немцев, их идентичности и языковом поведении – у жителей района и немцев-жителей обычных, не национальных сельских районов. Также проводился мониторинг курсов немецкого языка и опросы их посетителей, мониторинг

положения и деятельности общественных организаций российских немцев и другие социологические исследования.

В 2009 г. при поддержке Международного союза немецкой культуры (МСНК) был реализован совместный российско-германский проект «Организация и проведение в 2009 году этносоциологических исследований немецкого населения страны и мониторинга сети этнокультурных центров (центров встреч) российских немцев» (Смирнова, 2010). Было опрошено 1500 немцев, живущих во всех регионах Российской Федерации, пропорционально численности в Федеральных округах по данным переписи 2002 г. В результате была получена информация о состоянии языка, культуры, идентичности немцев, живущих в России, сведения о том, какое влияние на положение немцев оказывает система их самоорганизации. Эта информация использовалась для более эффективного управления и финансирования при реализации программ поддержки немецкого меньшинства. По истечении 10 лет было принято решение провести еще один массовый опрос немцев, живущих в России, для того чтобы оценить возможные изменения, провести корректировку проектной деятельности, и в целом – стратегии развития немецкого меньшинства.

В 2020 г. МСНК в рамках Программы поддержки немецкого меньшинства в Российской Федерации был проведен этносоциологический опрос немцев, целью которого являлась всесторонняя характеристика современного состояния немецкого меньшинства в Российской Федерации. Гипотезой исследования являлось положение об усилении процессов ассимиляции немецкого меньшинства под влиянием глобализации, всеобщего доминирования английского языка, усиления гражданской идентичности и ослабления этнической идентичности. Также предполагалось, что замедлению процессов ассимиляции способствует Программа поддержки немецкого меньшинства и деятельность органов самоорганизации. Процедура исследования предусматривала использование количественных (массовый опрос) и качественных (интервью) методов. Основным методом исследования являлся опрос респондентов; он проводился на территории всех федеральных округов РФ, пропорционально численности немцев в этих федеральных округах. Генеральная совокупность составляла 394 тыс. чел. (численность немцев по переписи 2010 г.), выборочная совокупность – 1 тыс. чел. В Центральном ФО проживает 6,4% всех немцев РФ, в Северо-Западном ФО – 5,4%, Южном ФО – 7,5%, Северо-Кавказском ФО – 2,0%, Приволжском ФО – 12,2%, Уральском ФО – 14,2%, Сибирском ФО – 50,3% (включая Омскую область, где проживает 12,7% немцев России и Алтайский край – 12,9%), Дальневосточном ФО – 2,0%. Этносоциологический опрос проводился во всех 8 федеральных округах, от Калининграда до Владивостока, в 200 населенных пунктах, от крупных мегаполисов до небольших деревень. Широкий территориальный охват в сочетании с соблюдением пропорций в расселении и численности немцев по регионам

России подтверждает репрезентативность полученных данных. Кроме территориального размещения немцев, при построении выборки учитывались пол (48,5% составляют мужчины и 51,5% – женщины) и соотношение городского и сельского населения (56,8% немцев проживает в городах, 43,2% – сельское население). Поскольку этнические процессы, особенно в сфере языка, очень сильно зависят от возраста, при построении выборки было выделено три возрастные группы: 18-29 лет – немцев этой возрастной группы насчитывается 15,7%, 30-59 лет – 59,3%, 60 и более лет – 25,0%. Таким образом, в исследовании применялась квотная (стратифицированная) выборка с выделением страт респондентов по регионам, полу, возрасту, городскому и сельскому населению.

Несмотря на то, что выборка по социально-профессиональному признаку специально не проводилась, мы старались, чтобы среди участников опроса было представлено максимальное количество социальных групп и профессий: работники образования, здравоохранения, социальные работники, военные и полицейские, юристы, управленческий персонал, работники администрации, сотрудники банков, бухгалтеры, работники крупных промышленных предприятий и учреждений культуры, фермеры, бизнесмены, пенсионеры и студенты. По этому признаку полученные результаты также являются репрезентативными. В целом, по всем параметрам выборочная совокупность (1000 респондентов) соответствует генеральной совокупности по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Анкета состоит из нескольких блоков вопросов: по идентичности, по языку, по культуре (включая историю и религию), этнокультурным и языковым запросам и потребностям, программе поддержки и самоорганизации. Всего в анкете 73 вопроса. Вопросы, в зависимости от необходимости определить тот или иной параметр, разного типа: открытые, закрытые, поливариантные, шкальные. Часть вопросов совпадает с вопросами анкеты 2009 г., а некоторые – даже с вопросами анкеты 1989 г., что дает возможность определить устойчивые во времени тенденции развития языка и культуры.

В результате проведения опроса получены конкретные количественные данные, которые позволяют оценить состояние и тенденции развития немецкого меньшинства в России. Прежде всего, это данные, касающиеся идентичности немцев России.

В опросе принимали участие только немцы, те, кто считает себя немцами. В среде людей, которые причисляют себя к российским немцам, очень много лиц со смешанной, множественной, нечетко оформленной идентичностью. Они, как правило, являются людьми смешанного происхождения и в определенных ситуациях «выбирают» немецкую национальность в зависимости от ситуации или каких-либо вновь возникших мотивов. Поскольку основной стратегической задачей исследования являлась выработка плана и рекомендаций для сохранения культуры и идентичности российских немцев,

при проведении опроса опрашивались только те, кто четко определял свою этническую принадлежность как «немцы». Таким образом, на вопрос «К какой национальности вы себя относите?», все опрошенные, 1000 человек (100 %) сказали «немцы». Из них 13,4% уточнили, что являются «российскими немцами», 4,3% – «русскими немцами», несколько человек сказали, что они «наполовину немцы». Подавляющее большинство (81,6 %) просто используют этнонимы «немец» и «немка».

Наличие множественной идентичности у российских немцев представляет собой сложную проблему. Значительная часть людей не может определиться, так как является наполовину русскими и немцами. Еще одна часть людей не может точно определить свою этническую принадлежность, поскольку имеет немецкие корни, но среди их предков были люди самых разных национальностей. Дополнительную сложность представляет не немецкое, а голландское, австрийское или польское происхождение некоторых групп российских немцев. Таким образом, для многих людей, кого в ряде случаев можно считать российскими немцами и кто назвал себя немцами при проведении переписи населения, характерна множественная этническая идентичность. Поэтому в опросе в качестве респондентов выступили только те, кто достаточно четко осознает себя немцами.

Первый вопрос, который задавался респондентам, это вопрос о том, что должно быть главным при определении национальности человека, если он имеет смешанное происхождение или живет не в той стране, в которой родился, или еще по какой-то причине, которая ставит вопрос о выборе национальности, например между русской и немецкой.

Вопрос был сформулирован следующим образом: «Что в вашей семье является главным при определении национальности ребенка?». Около половины ответили, что это национальность отца – 47,2%. На втором-третьем месте – национальность матери (25,3%) и желание самого ребенка (вырастет и сам определится – 25,6%). На четвертом месте – культура (19,4%). Таким образом, подавляющее большинство респондентов считает, что национальность ребенка зависит от национальности родителей, главным образом – отца. Данные опроса говорят о том, что право на выезд в Германию стоит в списке мотивов выбора национальности на последнем месте (3,8%), после родного языка (19,4%), религии (4,2%) и места проживания (9,0%). Но на практике многие люди сегодня используют любую возможность для того, чтобы зафиксировать свою немецкую национальность или своих детей в каких-либо документах. Об этом свидетельствует, например, статистика текущего учета населения, данные похозяйственных книг сельских и районных администраций, листки прибытия и убытия в паспортных столах и т.д. Поэтому в формировании этнической идентичности такие мотивы, как национальность родителей, язык, место проживания – они, конечно, важны, но на практике статус группы и миграционная ситуация оказываются определяющими.

При проведении исследования идентичности возникает вопрос о роли в ее формировании фактора происхождения, другими словами, сколько в настоящее время людей, считающих себя немцами, имеют исключительно немецкое происхождение и сколько – смешанное. У немцев в России уже в середине XX века национально-смешанные браки были преобладающими (Смирнова, 2002, сс.152-153). По данным переписи 2010 года, доля этнически смешанных супружеских пар составляет более 90,0% в семьях, где муж – немец, и 88,4% – в семьях, где жена – немка.

В обычной жизни люди смешанного происхождения довольно редко должны стоять перед выбором той или иной этнической принадлежности. Но есть обстоятельства, когда государство ставит перед таким выбором. В советское время это происходило во время получения паспорта, когда человек должен был декларировать свою идентичность (национальность), причислить себя к определенной этнической общности. Кроме того, декларировать свою этническую принадлежность необходимо при заполнении различных документов и при проведении переписи населения. Государство настаивает до настоящего времени на том, что люди со смешанной идентичностью все-таки должны сделать выбор в пользу какой-либо одной этнической принадлежности. Планируется, что перепись 2021 года даст возможность указать вторую национальную принадлежность, но пока приходилось выбирать одну.

И здесь встает вопрос о мотивах такого выбора. Самый популярный ответ, почему респонденты считают себя немцами, если их происхождение является смешанным – это потому, что они имеют немецкое происхождение (один из родителей или кто-то из дедушек или бабушек были немцами), вторым по популярности мотивом выбора они считают свою близость к немецкой культуре.

Большинство опрошенных респондентов находятся в смешанных браках. В однонациональных браках находятся 36% респондентов, в национально-смешанных – 64% (от всех состоящих в браке – 718 чел.). Основным брачным партнером являются русские – они составляют 84,3% брачных партнеров немцев в национально-смешанных браках, а 15,7% – это представители практически всех народов нашей страны.

Респондентам, имеющим детей, задавался вопрос об их национальной принадлежности. Детей имеют 60% респондентов, причем те, у кого дети еще маленькие, часто затруднялись при ответе на этот вопрос.

Особенно это относится к тем респондентам, которые считают, что национальность ребенка должна определяться им самим, когда он вырастет. У четверти респондентов, имеющих детей, они определяются, как русские (21,6%), 64,3% определяют национальность своих детей как немцы (здесь учитывались все – и состоящие в национально-смешанных браках, и в однонациональных), остальные указали другую национальность (украинцы и др.).

6,5% сказали – «русские немцы». 6,7% не смогли выбрать между русскими и немцами и сказали, что их дети являются и теми, и другими, либо поделили детей символически пополам – половина русские (например, если мать русская, то и дочери русские, если отец – то сыновья), половина детей – немцы.

Все это свидетельствует о подвижном, мобильном характере этнической идентичности, о значительном ситуативном воздействии на идентичность.

Блок вопросов, касающихся этнической идентичности, был нацелен на выяснение преимущественных типов идентичности и посвящен этническим символам и ориентирам, представлениям российских немцев о своем народе, знанию его истории, мнениям о прошлом, настоящем и будущем своего народа.

Насколько важна национальная принадлежность для немцев? При оценке степени важности национальной принадлежности по 10-балльной шкале наиболее частым ответом был «10 баллов» – так ответили 40,4% респондентов. Индифферентный, неярко выраженный тип идентичности (5 баллов и ниже) характерен для пятой части опрошенных (19,8%).

При характеристике типов идентичности довольно важным представляется самоназвание народа (эндоэтноним), особенно это относится к народам, проживающим вне страны своего происхождения и имеющим двойное название. В переписи населения указывается единое наименование народа «немцы», в обычной речи тоже чаще всего говорится просто «немцы», но при необходимости уточнения на вопрос «какие немцы?», ответы распределились следующим образом: российские немцы – 60,8 %, русские немцы – 14,7%, немцы России – 10,8%. Региональные группы (поволжские, сибирские и др.) назвали 8,4% респондентов, советские немцы – 2,1%, и 3,2% опрошенных назвали другие варианты.

С целью выяснения соотношения таких видов национальной идентичности, как идентичность гражданская и идентичность этническая, респондентам предлагалось отдать какому-либо из этих видов предпочтение. Российские немцы в первую очередь россияне, а уж затем немцы – так сказали 65,1% респондентов. В первую очередь немцы, а уж затем – россияне: так думают 34,9%.

При проведении этносоциологического опроса выявлялись представления немцев об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Представляется очень важным понимание того, что объединяет российских немцев в единую этническую общность и что, по их мнению, отличает от других народов. Наиболее значимыми для немцев признаками оказались историческая судьба (54,7% респондентов сказали, что главным объединяющим признаком является именно общая история) и общая культура (55,3%). На третьем по значимости месте находится немецкий язык (48,1%).

Объективно – история, в основном политическая история, отношение государства к различным по происхождению, социальной структуре,

культурным особенностям группам, политика протекционизма, затем – репрессий, а в последние десятилетия – миграционная политика явились важнейшим объединяющим фактором. В условиях распространения массовой культуры, когда более половины российских немцев признают родным не немецкий язык, а русский, эти признаки этничности (национальности) уже приобрели символическое значение. Это подтверждается тем, что при глубинных интервью большинство респондентов затруднялись с характеристикой немецкой культуры, не могли назвать ее основные элементы, а по поводу немецкого языка не было общего мнения, что считать родным языком российских немцев – диалекты или литературный немецкий язык. Скорее, немецкая культура и немецкий язык являются символами, реальное наполнение этих символических характеристик может быть очень разным у разных людей.

Религия (7,5%), психология (25,4%), место проживания (14,2%) для респондентов имеют второстепенное значение. Достаточно большое количество людей указало, что главное, что их объединяет, – это общественные организации российских немцев (МСНК, ФНКА, ЦНК и т.д.) – 13,8%. Довольно большое количество респондентов назвали традиционную культуру – обычаи, обряды, традиции – 29,5%. Но в целом при опросе складывалось впечатление, что респондентам легче ответить на вопрос об этнодифференцирующих признаках, то есть определить, что отличает их от людей других национальностей, чем найти признаки собственной общности.

Основной средой актуализации идентичности является семья. Это отметили 54,8% респондентов при ответе на вопрос о том, в каких ситуациях они ощущают себя немцами в наибольшей степени. На втором месте после семьи стоят центры немецкой культуры – так ответили 31,6% респондентов. Действительно, в условиях дисперсного проживания, в иноэтничном окружении, в русскоязычной среде центр немецкой культуры часто является единственным местом, где можно почувствовать свою принадлежность к немецкому народу. Особенно это относится к городской среде. 14,6% ощущают себя немцами при поездках в Германию и 17,8% – при общении с друзьями (среди которых есть немцы, и, соответственно, общие немецкие темы).

Роль семьи остается по-прежнему ведущей в формировании этнической идентичности. Если строить планы на будущее по целенаправленному формированию идентичности, по конструированию немецкой этнической общности в России, то семье надо уделять гораздо больше внимания, чем сейчас. Необходимо разрабатывать специальные программы по семье и раннему детству. Это подтверждают и ответы на вопрос: «На какие сферы жизни влияет ваша национальная принадлежность?». Больше всего респондентов ответили, что это семейная сфера (38,6%).

Меньше всего национальность влияет на политическую сферу (2,3%). В то же время четверть респондентов (23,1%) ответили, что национальная принадлежность вообще никаким образом на их жизнь влияния не оказывает. Но в таком случае получается, что на жизнь 77% национальность влияет; при анализе этих сфер оказывается, что это в основном область (в дополнение к семейной сфере) культуры (46,5%) и религии (7,9%).

Одним из главных факторов формирования и развития идентичности является, как уже было сказано выше, статус этнической общности. Для выяснения статуса, вернее, ощущения этого статуса мы задавали вопрос о том, как люди воспринимают свою принадлежность к немецкому национальному меньшинству. У большинства опрошенных (61,6%) принадлежность к немецкому народу вызывает чувство гордости. Негативные самооценки значительно уступают, но все же присутствуют. Так, ощущение неуверенности национальная принадлежность вызывает у 3,2% респондентов, а чувство обиды – у 2,8%. У значительной части опрошенных (26,7%) их национальность не вызывает никаких особенных чувств. Эти данные свидетельствуют о формировании нормальной, позитивной этнической идентичности у российских немцев.

Утверждать, что ощущения ущемленного статуса у немцев не было раньше совсем, было бы неверным. Государственная пропаганда и формирование образа врага в лице немцев сделали свое дело. Но в настоящее время можно говорить о том, что те проблемы, которые были связаны с представлениями о немцах как о врагах, ушли в прошлое. Немцы (особенно старшее и среднее поколения) считают самой большой несправедливостью тот факт, что им не позволили сражаться на фронте, как всем, и посчитали предателями. Демобилизация с фронта и депортация послужили причиной последующего негативного отношения к немцам со стороны окружающего населения, так считают опрошенные. Как бы то ни было в прошлом, в настоящее время подавляющее большинство немцев не испытывает никакого дискомфорта по поводу собственной этнической принадлежности. Таким образом, мы получили еще одно подтверждение повышения статуса этнической общности, а, следовательно, и связанного с этим роста этнического самосознания.

Немцы в Казахстане

К сожалению, немцы Казахстана не часто становились объектом этносоциологических исследований. В 1984–85 гг. Институт истории и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР провел обследование структуры и типов семей немцев, проживающих в Семиречье. Ученые пришли к выводу, что доминирующим типом семьи являлась малая двухпоколенная семья, со средней численностью в 3–5 человек, для которой характерны малолетность и равноправные отношения супругов (Калышев, 1998).

В 1986 г. сотрудником Института этнографии Академии наук СССР О.Б. Наумовой (1987) были изучены национально-смешанные семьи у немцев Казахстана, она пришла к выводу об изменениях культурно-психологических особенностей немецкого населения Казахстана в 1980-е гг., их национальных традиций в процессе взаимодействия с другими народами. Особое внимание в статье было уделено проблемам, существовавшим в языковой сфере (постепенное вытеснение родного языка русским, незаинтересованность в его изучении немецкой молодежью и т.д.)

К. А. Сакенова (1998), исследуя социокультурный облик этнических меньшинств в Алматинской области, в том числе немцев, пришла к похожим выводам о сужении сферы применения немцами родного языка, в целом, широкое распространении русско-немецкого двуязычия, а также ею было отмечено усиление ассимиляционных процессов в других сферах культуры.

В 2008 и 2013 гг. было проведено первое комплексное масштабное социологическое исследование немецкого населения Казахстана. На первом этапе были изучены адаптивные практики, выявлены социальные, экономические, культурные проблемные зоны с точки зрения самих немцев Казахстана (Курганская & Дунаев, 2008). На втором этапе исследовались состояние, достижения и недостатки, проблемы и перспективы развития системы общественной самоорганизации немцев (Курганская & Дунаев, 2013).

Во время выполнения проекта «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)», авторы статьи несколько раз посещали Казахстан и работали в среде немцев Нур-Султана (Астаны) и Алматы. Руководители немецких общественных организаций, зная о проведении этносоциологических опросов в России, обратились с просьбой провести аналогичный опрос у немцев Казахстана. Полностью повторить процедуру российского опроса в Казахстане было невозможно: не было финансирования, человеческих ресурсов (координаторов, интервьюеров), времени и других организационных составляющих социологических опросов. К тому же не было сведений о том, где в Казахстане немцы живут более или менее компактно, в какие населенные пункты нужно ехать в экспедиции для проведения исследования. Если в советское время в Северном Казахстане существовало множество компактных немецких поселений, которые были образованы во времена Столыпинской реформы и в результате депортации, то массовая эмиграция 1990-х гг. кардинально изменила географию расселения. По последней советской переписи 1989 г. в Казахской ССР проживало 957518 чел. из 2038603 немцев Советского Союза, главным образом в северных районах, в местах депортации. По данным казахстанской статистики, в настоящее время немцев насчитывается 174632 чел. (Смаилов, 2010, с. 253), то есть снижение за 30 лет составило более 80%. Данные по современному расселению отсутствуют, поэтому проводить опрос традиционными методами интервью не представлялось возможным.

Казахстанская сторона предложила провести онлайн-опрос, с использованием вопросов анкеты, которая применялась в российском исследовании. После совместного обсуждения всех недостатков онлайн-опроса, главным из которых является невозможность проверки данных и отклонения выборки, пришлось согласиться с тем, что другой возможности получить обратную связь от немецкого населения Казахстана и хоть какие-то сведения этнического характера сегодня нет. Онлайн опрос немцев Казахстана проводился в октябре-ноябре 2021 г., с использованием Google-форм, организатором опроса выступил Общественный фонд «Казахстанское объединение немцев «Возрождение», вопросы в онлайн-анкете совпадали с теми, которые использовались при опросе немцев в России, но было уменьшено их количество. Анкета состояла из 33 вопросов. Всего в опросе приняло участие 511 немцев, более половины опрошенных являются членами общественных организаций немцев Казахстана.

Результаты опроса следующие. На вопрос об этнической принадлежности 506 из 511 чел. или 99% указали, что они немцы («немка», «немец», “Ich bin Deutsche”, “Deutsch” и т. д.); 5 человек ответили, что их национальность смешанная, что они метисы, либо указывали, что они наполовину русские, наполовину немцы.

Большинство опрошенных имеют смешанное, сложное происхождение и находятся в смешанных браках. Так, на вопрос о национальности родителей были получены следующие ответы: у 68,7% опрошенных отцы являются немцами, у 22,7% – русскими, у 2% – казахи, у 8% отцы являются представителями других национальностей. Матери-немки – у 48,3% респондентов, русские – у 39,1%, казашки – у 1,8%, других национальностей – у 12,1% опрошенных.

Люди, имеющие смешанное происхождение, отвечали на вопрос о том, почему они считают себя немцами, а не кем-то еще. Для многих определяющим фактором стала национальность отца, для кого-то национальность определяется близостью культурных традиций, менталитета, духа, религии, самоощущением, на кого-то повлияло воспитание бабушки-немки, большинство родственников-немцев и др.

85,7% (438 чел.) указали национальность своего супруга, 14,4% респондентов не находятся в браке. Половина (52,5% от указавших национальность супруга), ответили, что их супруги русские. Супруги немцы (или «наполовину немцы») – 12,5%, украинцы – 5,9%, казахи – 4,8%, татары – 3%, белорусы – 1,1%. Представители других национальностей среди супругов были малочисленны.

На вопрос «Насколько важна для Вас Ваша национальная принадлежность? (1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая)», максимальные 5 баллов выбрали 70,3%; «4» балла отметили 16%; «3» балла – 9%; «2» балла – 0,8%; «1» балл – 3,9%. По сравнению с российскими немцами, немцы Казахстана выбирали наивысший балл оценки почти в два раза чаще. Конечно, из-за разницы в методологии исследования, о которой говорилось выше,

напрямую сравнивать результаты этих двух опросов было бы неправильно, но, тем не менее, высокие, почти рекордные результаты ответов в Казахстане свидетельствуют о том, что идентичность немцев Казахстана находится под воздействием каких-то внешних стимулов. Можно предположить, что это реакция на обвальное снижение численности этнической общности, стремление препятствовать ассимиляции, стрессовое состояние, связанное с продолжающейся эмиграцией, вероятно – с невозможностью эмиграции и какие-то другие причины, свидетельствующие о стремлении сохраниться как народ.

Следующий вопрос был посвящен этноконсолидирующим признакам. На вопрос «Что, по-Вашему, объединяет немцев, живущих в Казахстане?» (можно было выбрать три варианта) – на 1 месте находится ответ «историческая судьба, прошлое», так ответило 69,7%; на 2 месте – «общая культура», так сказали 46,2%; на 3 месте – «общественные организации немцев Казахстана», этот ответ выбрали 41,3%; на 4 месте – «черты характера, менталитет, психология» – 38,2%; на 5 месте – «обычаи, обряды, традиции» – 32,1%; на 6 месте «немецкий язык» – 30,5%; на 7 месте – «родственные связи в Германии» – 27,6%; на 8 месте – «место проживания, территория» – 15,7%; на 9 месте – «религия» – 5,5%; на 10 месте – «внешность» – 5,3%; на 11 месте – «фольклор, предания, сказки» – 4,9%; на 12 месте «финансовая поддержка Германии» – 3,5%; на 13 месте ответ «ничего не объединяет» – 1,2%. Надо сказать, что во всех опросах историческая судьба и общее прошлое находятся на первом месте, но если в России этот консолидирующий признак по своему значению находится очень близко к немецкому языку и немецкой культуре, то у немцев Казахстана между общей исторической судьбой и этнической культурой, которая находится на втором месте, существует разрыв в 20 пунктов. Этот результат, видимо, можно объяснить тем, что подавляющее большинство немцев Казахстана – это потомки депортированных, и именно депортация определила всю их жизнь и идентичность (Блинова, Смирнова & Шлегель, 2021a).

Принадлежность к немцам оказывает влияние на культурную (40,9%) и семейную (40,3%) сферы; не влияет никак – так сказали 27,8%; влияет на профессиональную сферу – 17,2% (такой высокий результат связан, скорее всего, с тем, что среди опрошенных много тех, кто участвует в работе общественных организаций и преподавании немецкого языка; на религиозную – 6,1%; на политическую сферу – 3,7%; затруднились ответить 13,5%. У большинства опрошенных принадлежность к немецкому народу вызывает чувство гордости (65,8%). С большим отрывом были названы ощущение защищенности – 11%, ощущение неуверенности – 1,2%, чувство обиды – 1,2%. Никаких особых чувств не вызывает – у 19,2%.

Далее шли вопросы, посвященные национальным языкам. Так, на вопрос, какой язык немцы Казахстана считают родным, немецкий язык назвали

родным 10,4% участников опроса. Русский язык назвали родным 34,2% и оба языка – 52,6% респондентов. Свободно владеют немецким языком всего 4,1% опрошенных, русским – 98,6% и казахским языком свободно владеют 1,6% респондентов. Большинство респондентов свободно владеют русским языком, и в той или иной степени владеют немецким и казахским языками. Не владеют совсем немецким языком 5,9% респондентов и казахским языком – 23,3%. Во всех сферах жизни респонденты пользуются в основном русским языком, за исключением Центров немецкой культуры, где 74,6% опрошенных пользуются немецким языком. Государственный казахский язык 69,5% респондентов не используют совсем, а 13,1% (это максимум для казахского языка) сказали, что используют его на работе.

Большинство опрошенных (70,6%) знает немецкий язык благодаря курсам, 45,6% изучало его в школе, самостоятельно изучили немецкий 34,8%, с детства немецкий язык знает 20,5% опрошенных, в вузе или колледже изучали язык 13,5%. Не изучали совсем 0,4%. Несмотря на не слишком хорошее владение национальным языком, подавляющее большинство (92,6%) сказали, что в школе надо преподавать немецкий язык детям, 6,7% затруднились ответить, 0,8% ответили отрицательно. При этом 85,5% респондентов считают, что человек, не знающий немецкого языка, может быть немцем. 5,7% сказали «нет», 8,8% затруднились ответить. 74,4% опрошенных считают, что необходимо разработать государственные программы по поддержке немецкого языка.

В заключение были вопросы об эмиграции и о том, что респонденты считают своей Родиной. Больше всего опрошенных назвали своей Родиной Казахстан – 45,2%. 24,9% считают Родиной свой город или свое село. 19,6% считают Родиной Германию. Для сравнения, в российском опросе Россию считают своей Родиной намного больше респондентов – 64,4%, свой город или свое село – почти столько же – 27,3%, а вот Германию – намного меньше, чем в среде немцев Казахстана – всего 2,0%. На вопрос об эмиграции, 65,0% сказали, что хотели бы эмигрировать, 23,7% сказали «возможно», 6,5% не хотели бы уезжать, а 4,9% затруднились ответить. Если сравнивать с российским опросом 2020 года, то в Казахстане эмиграционные настроения выражены гораздо сильнее. В России хотят эмигрировать 18,6% опрошенных, не исключают такую возможность 33,5%. Не хотят менять место жительства – 35,9%, затруднились ответить – 12,0%.

В опросе приняли участие 345 (67,5%) женщин и 166 (32,5%) мужчин. 42,5% имеют высшее образование, 34,8% – среднее профессиональное образование. Респонденты работают продавцами, бухгалтерами, индивидуальными предпринимателями, учителями, директорами, администраторами, менеджерами, воспитателями, самозанятыми, врачами, дизайнерами, водителями, поварами, журналистами, юристами, операторами и т.д. 8,2% от общего числа респондентов – пенсионеры. Обучались на момент проведения опроса в учебных заведениях 2,4%. Временно без работы – 12,7%. В опросе приняли

участие жители Акмолинской, Актюбинской, Алматинской, Атырауской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Карагандинской, Павлодарской, Костанайской, Мангистауской, Туркестанской области. Большинство респондентов проживает в Павлодарской области – 22,1%; в Карагандинской области – 20,5%, в Алматинской области – 14,7%, из Восточно-Казахстанской области – 5,1%. В г. Нур-Султан (Астана) проживают 11,1% респондентов; в г. Алма-Ата – 11%, в г. Шымкент – 2,2%.

Заключение

За 30 лет, прошедших после распада СССР, с момента, когда немцы стали гражданами суверенных постсоветских государств, их идентичность, на которую определяющее влияние стали оказывать процессы нациестроительства в этих новых государствах, трансформировалась из советской в этнонациональную. Выстраивание государственной национальной политики в независимых государствах повлекло за собой усложнение и без того множественной идентичности немцев России и Казахстана. Национальная политика всех без исключения постсоветских государств направлена на укрепление суверенитета, и в этой политике главные роли играют трактовка национальной истории и вопросы государственных языков. В России главным трендом стало формирование российского народа, единой гражданской российской нации. На этом пути преобладает героическая история, история вклада всех народов в развитие российской государственности, но вопросы национальной политики, в том числе сталинских депортаций и их последствий, остались в дискуссиях 1990-х гг. В Республике Казахстан история меньшинств включена в контекст колониальной истории окраин империи с преобладанием негативных оценок этого периода.

Важным фактором, влияющим на процесс конструирования этнической идентичности немцами, стала Программа поддержки немецкого меньшинства в Российской Федерации и других государствах бывшего СССР со стороны Федеративной Республики Германии и возросшая роль общественных организаций, через которые проходит ее реализация (Блинова & Смирнова, 2020). Программа поддержки реализуется через общегосударственные организации – Международный Союз Немецкой Культуры в России и Общественный фонд «Казахстанское объединение немцев «Возрождение». Деятельность организаций строится на проектной основе, они сами определяют стратегию и направления своей работы, большинство проектов направлены на формирование позитивной этнической идентичности, сохранение языка и культуры немцев на постсоветском пространстве, препятствие ассимиляции. Нужно отметить, что формирование целей и планов реализуемых мероприятий находится в соответствии с этнокультурными запросами немецкого населения,

отсюда важность и актуальность социологических опросов и желание их проводить на постоянной основе.

Подводя итоги, следует отметить, что для российских и казахстанских немцев характерно наличие сложной множественной этнической идентичности; основания отнесения себя к немцам во многом совпадают у обеих групп: национальность родителей, близость истории и культурных традиций, религия, самоощущение. Особенностью этноязыковых процессов в Казахстане является наличие трилингвизма. Казахский язык необходим для повышения своего социального статуса, работы на государственной службе. Часто мотивом для изучения немецкого языка у молодежи служит желание поступить в вуз или более успешно продолжить обучение в нем, поехать на стажировку в Германию или в другие немецкоязычные страны, поучаствовать в программах обмена студентами. Здесь стоит отметить и более высокий эмиграционный потенциал среди немцев Казахстана, по-прежнему довольно много людей хотят переехать в Россию, Германию или другую страну.

В целом, общие черты этнической идентичности на постсоветском пространстве связаны с общей историей (особенно с травмирующими событиями) и культурой, немецким языком, поддержкой Германии. Особенности, специфические черты этой новой идентичности связаны с политическими и культурными реалиями новых государств.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)»

Список литературы

- Migrationsbericht, 2007 [The Migration Report, 2007]. (2008). Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. (In German).*
- Балашов, Ю. А. (2007). Разделенные народы на постсоветском пространстве. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 5, 185–189.
- Балашов, Ю. А. (2008). Проблема разделенных этносов и угроза терроризма и политического экстремизма. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 5, 227–231.
- Бараш, Р. Э. (2010). *Явление разделенных этнонациональных групп: Политологический анализ [Диссертация доктора политических наук]. МГУ им. М. В. Ломоносова.*
- Барбашина, Э. Р. (2004). Образ российских немцев в конце XX столетия (на материалах этносоциологических исследований). В *Положение российских немцев в России и в Германии на рубеже XX-XXI веков* (с. 134–163). Саратов.
- Бахлов, И. В., & Бахлова, О. В. (2018). Концептуализация понятия «нациестроительство» в политологическом дискурсе. *Социально-политические науки*, 2, 26–29.

- Блинова, А. Н., & Смирнова, Т. Б. (2020). Немецкие общественные организации в постсоветских государствах Центральной Азии. *Вестник Омского государственного университета*, 7(4), 167–174. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(4\).167-174](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(4).167-174)
- Блинова, А. Н., Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021a). Влияние депортации на идентичность немцев России и Казахстана. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(4), 91–116. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.336>
- Блинова, А. Н., Смирнова, Т. Б., & Шлегель, Е. А. (2021b). Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: Этнонимы, язык, символы. *Этнография*, 14(4). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-249-271](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-249-271)
- Брубейкер, Р. (2000a). «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России). *Диаспоры*, 3, 6–32.
- Брубейкер, Р. (2000b). Мифы и заблуждения в изучении национализма. *Ab Imperio*, 2000(1), 204–224. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0038>
- Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. (2011, июнь 4). Демоскоп Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0
- Гаджиев, К. С. (Ред.). (2006). *Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве*. Институт мировой экономики и международных отношений РАН.
- Калышев, А. Б. (1998). Структура и тип семьи у немцев Семиречья. В *История немцев Центральной Азии* (с. 165–171). Алматы.
- Киссер, Т. С. (2020). Негативная идентичность российских немцев. *Вестник Омского государственного университета*, 7(3), 112–122. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(3\).112-122](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(3).112-122)
- Клименко, Е. (2017). *Международная конференция «Национализмы на постсоветском пространстве: Логика, этики, практики» (Москва, 31 октября–2 ноября 2016 г.)*. Новое литературное обозрение. http://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/147_nlo_5_2017/article/12726/
- Курганская, В. Д., & Дунаев, В. Ю. (2008). *Немцы Казахстана: Комплексное социологическое исследование адаптивных практик немцев Казахстана*. Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение».
- Курганская, В. Д., & Дунаев, В. Ю. (2013). *Общественное самоуправление немецкой диаспоры Казахстана: Состояние и тенденции развития*. Научно-аналитический отчет по итогам социологического исследования. Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение».
- Лебедева, Н. М. (1998). Русские в странах ближнего зарубежья. Социально-психологический анализ. *Вестник Российской академии наук*, 4, 296–305.
- Летняков, Д. Э. (2016). Создавая нацию: Политика идентичности в постсоветских государствах. *Мир России. Социология. Этнология*, 25(2), 144–167.
- Малиновский, Л. В. (1969). Некоторые предварительные результаты социолого-лингвистического обследования немецкого населения Западной Сибири. В *Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири* (с. 20–29). Новосибирск.

- Наумова, О. Б. (1987). Национально-смешанные семьи у немцев Казахстана (по материалам экспедиции 1986 г.). *Советская этнография*, 6, 91–100.
- Ратленд, П. (2002). Глобализация и посткоммунизм. *Мировая экономика и международные отношения*, 4, 15–18. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2002-4-15-18>
- Ратленд, П. (2016). Постсоветские элиты России. *Полис. Политические исследования*, 3, 55–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06>
- Рябиченко, Т. А., Лебедева, Н. М., & Плотка, И. Д. (2019). Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
- Савоскул, М. С. (2006). Российские немцы в Германии: Интеграция и типы этнической самоидентификации (по итогам исследования российских немцев в регионе Нюрнберг - Эрланген). *Демоскоп Weekly*, 243–244.
- Сакенова, К. А. (1998). Характерные особенности этнокультурного облика сельских немцев Казахстана в местах дисперсного расселения (на материалах этносоциологического обследования Алматинской области). В *История немцев Центральной Азии* (с. 171–187). Алматы.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Бардин, А. Л., & Пантин, В. И. (2017). Между государством и нацией: Дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве. *Полис. Политические исследования*, 5, 54–78. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Семченков, А. С., & Бараш, Р. Э. (2009). Проблема разделенных народов в контексте трансформации мирового политического пространства. *Политическая наука*, 1, 137–167.
- Смаилов, А. (2010). Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. *Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан*. Астана.
- Смирнова, Т. Б. (2002). *Немцы Сибири: Этнические процессы*. Русинко.
- Смирнова, Т. Б. (2003). *Немцы Сибири: Этнические процессы и этнокультурное взаимодействие*. Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Смирнова, Т. Б. (2010). Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев. В *Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития: Материалы 2-й международной научно-практической конференции* (с. 6–58). Москва.
- Смирнова, Т. Б., & Киссер, Т. С. (2017). Многообразие немцев России. *Уральский Исторический Вестник*, 2, 44–53.
- Смит, Э. (2004). *Нации и национализм. Критический обзор современных теорий нации и национализма*. Праксис.
- Тишков, В. А. (1998). Забыть о нации: (Постнационалистическое понимание национализма). *Этнографическое обозрение*, 5, 3–26.
- Трифоновна, А. В. (2021). Роль локальной идентичности и воспринимаемого контекста в психологическом благополучии русских Эстонии. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 83–91. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409>
- Цагараев, М. А. (2009). *Этнополитические проблемы разделенных народов: Политико-правовые основы их регулирования: на примере осетинского народа* (с. 198) [Диссертация кандидата

политических наук]. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ягафова, К. А. (2015). Чувашская диаспора на постсоветском пространстве (на примере общин в Казахстане, Белоруссии и Эстонии). *Этнографическое обозрение*, 3, 147–164.

References

- All-Union Population Census of 1989. *Ethnic composition of the population by republics of the USSR*. (2011, June 4). Demoscope Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=0 (In Russian).
- Bakhlov, I. V., & Bakhlova, O. V. (2018). Conceptualization of the concept of “nation-building” in political science discourse. *Social and Political Sciences*, 2, 26–29. (In Russian).
- Balashov, Y. A. (2007). Divided Peoples in the Post-Soviet Space. *Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 5, 185–189. (In Russian).
- Balashov, Y. A. (2008). The Problem of Divided Ethnic Groups and the Threat of Terrorism and Political Extremism. *Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 5, 227–231. (In Russian).
- Barash, R. E. (2010). *The phenomenon of divided ethno-national groups: A Political Science Analysis* [Doctoral Thesis]. Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
- Barbashina, E. R. (2004). The Image of Russian Germans at the End of the Twentieth Century (on the Materials of Ethnosociological Research). In *The Situation of Russian Germans in Russia and Germany at the Turn of the 20th and 21st Centuries* (pp. 134–163). Saratov. (In Russian).
- Blinova, A. N., & Smirnova, T. B. (2020). German Public Organizations in Post-Soviet States of Central Asia. *Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*, 7(4), 167–174. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(4\).167-174](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(4).167-174) (In Russian).
- Blinova, A. N., Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021a). The Influence of Deportation on the Identity of Germans of Russia and Kazakhstan. *Journal of Frontier Studies*, 6(4), 91–116. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.336> (In Russian).
- Blinova, A. N., Smirnova, T. B., & Schlegel, E. A. (2021b). Post-Soviet Identities of the Germans of Russia, Kazakhstan, and Ukraine: Ethnonyms, Language, Symbols. *Etnografia*, 14(4). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-249-271](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-249-271) (In Russian).
- Brubaker, R. (2000a). “Cataclysmic Diasporas” in Central and Eastern Europe and Their Relationship to Their Homelands (Case Study of Weimar Germany and Post-Soviet Russia). *Diaspory*, 3, 6–32. (In Russian).
- Brubaker, R. (2000b). Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism. *Ab Imperio*, 2000(1), 204–224. <https://doi.org/10.1353/imp.2000.0038> (In Russian).
- Gadzhiev, K. S. (Ed.). (2006). *Diasporas and Divided Peoples in the Former Soviet Union*. Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kalyshev, A. B. (1998). The structure and type of the family among the Germans of Semirechye. In *History of the Germans of Central Asia* (pp. 165–171). Almaty. (In Russian).
- Kisser, T. S. (2020). Negative Identity of Russian Germans. *Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*, 7(3), 112–122. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7\(3\).112-122](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2020.7(3).112-122) (In Russian).

- Klimenko, E. (2017). *International Conference “Nationalisms in the Post-Soviet Space: Logics, Ethics, Practices”* (Moscow, October 31–November 2, 2016). *New Literary Review*.
http://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/147_nlo_5_2017/article/12726/ (In Russian).
- Kurganskaya, V. D., & Dunayev, V. Yu. (2008). *Germans of Kazakhstan: A Comprehensive Sociological Study of the Adaptive Practices of Germans in Kazakhstan*. Association of Public Associations of Germans of Kazakhstan “Revival”. (In Russian).
- Kurganskaya, V. D., & Dunayev, V. Yu. (2013). *Public Self-Government of the German Diaspora in Kazakhstan: Status and Trends of Development*. *Scientific and analytical report on the results of sociological research*. Association of Public Associations of Germans of Kazakhstan “Revival”. (In Russian).
- Lebedeva, N. M. (1998). Russians in the Countries of the Near Abroad. Socio-psychological analysis. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*, 4, 296–305. (In Russian).
- Letnyakov, D. E. (2016). Creating a Nation: Identity Politics in Post-Soviet States. *The World of Russia*. *Sociology. Ethnology*, 25(2), 144–167. (In Russian).
- Malinovsky, L. V. (1969). Some Preliminary Results of the Sociological and Linguistic Survey of the German Population of Western Siberia. In *Collection and development of materials of socio-linguistic research in Siberia* (pp. 20–29). Novosibirsk. (In Russian).
- Migrationsbericht, 2007 [The Migration Report, 2007]*. (2008). Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. (In German).
- Naumova, O. B. (1987). Nationally mixed families among the Germans of Kazakhstan (based on a 1986 expedition). *Soviet Ethnography*, 6, 91–100. (In Russian).
- Rutland, P. (2002). Globalization and Post-Communism. *World Economy and International Relations*, 4, 15–18. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2002-4-15-18> (In Russian).
- Rutland, P. (2016). Russia’s Post-Soviet Elite. *Polis. Political Studies*, 3, 55–72.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06> (In Russian).
- Ryabichenko, T. A., Lebedeva, N. M., & Plotka, I. D. (2019). Multiple Identities, Acculturation and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Cultural-Historical Psychology*, 15(2), 54–64.
<https://doi.org/10.17759/chp.2019150206> (In Russian).
- Sakenova, K. A. (1998). Characteristic features of ethno-cultural image of rural Germans of Kazakhstan in the places of dispersed settlement (on the materials of ethno-sociological survey of Almaty region). In *History of the Germans of Central Asia* (pp. 171–187). Almaty. (In Russian).
- Savoskul, M. S. (2006). Russian Germans in Germany: Integration and Types of Ethnic Self-Identification (based on a study of Russian Germans in the Nuremberg – Erlangen region). *Demoscope Weekly*, 243–244. (In Russian).
- Semchenkov, A. S., & Barash, R. E. (2009). The Problem of Divided Peoples in the Context of the Transformation of World Political Space. *Political Studies*, 1, 137–167. (In Russian).
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., & Pantin, V. I. (2017). Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies. *Polis. Political Studies*, 5, 54–78.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05> (In Russian).
- Smailov, A. (2010). *National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan*. Results of the 2009 national census in the Republic of Kazakhstan. Astana. (In Russian).

- Smirnova, T. B. (2002). *The Germans of Siberia: Ethnic Processes*. Rusinko. (In Russian).
- Smirnova, T. B. (2003). *The Germans of Siberia: Ethnic Processes and Ethno-Cultural Interaction*. Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Smirnova, T. B. (2010). Results of an ethno-sociological survey and monitoring of public organizations of Russian Germans. In *Germans of New Russia: Problems and Prospects of Development: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference* (pp. 6–58). Moscow. (In Russian).
- Smirnova, T. B., & Kisser, T. S. (2017). The diversity of Germans in Russia. *Ural Historical Bulletin*, 2, 44–53. (In Russian).
- Smith, E. (2004). *Nations and Nationalism. A Critical Review of Contemporary Theories of Nation and Nationalism*. Praxis. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1998). Forgetting the Nation: (A Post-Nationalist Understanding of Nationalism).. *Ethnographic Review*, 5, 3–26. (In Russian).
- Trifonova, A. V. (2021). Role of Local Identity and Perceived Context in Psychological Well-Being of Russians in Estonia. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 83–91. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170409> (In Russian).
- Tsagaraev, M. A. (2009). *Ethnopolitical Problems of Divided Peoples: Political and Legal Basis for Their Regulation: The Case of the Ossetian People* [PhD Thesis]. Russian Academy of Public Service under the President of the Russian Federation. (In Russian).
- Yagafova, K. A. (2015). The Chuvash Diaspora in the Post-Soviet Space (Case Studies of Communities in Kazakhstan, Belarus, and Estonia). *Ethnographic Review*, 3, 147–164. (In Russian).